

лучше б ты там осталась,
в теплом барачном детстве.
суп из пакета, гречка
выданная собесом.
помнится, вышивала,
было красиво, честно -
алое на небесном,
алое на небесном.
верно, что света много.
вот и пока ты плачешь
сын твой мизинцем трогает
маленький одуванчик.
разве ты их не любишь?
разве тебе здесь плохо?
алое на небесном
сердце твое, дуреха.

Останусь одна, без денег и кофе.
Любимого дна - лопатками, ровень
с дощечками пола - и плоше, и площе.
Как дерево, камень, хоть выложи площадь.
Гляжу вдоль себя и не вижу раздела,
не зрю окончания улицы тела.
Слоями хрустящими крошится известь -
не смог извести, значит высвисти, вызвезды
во мне это право разбитой витрины,
во мне этот город печальный, старинный,
и глаз твоих белых холодное море.
И горе, которое больше не горе.

7 вечера. Папа с работы
на рейсовом не приехал.
А значит, что папа напился,
и мама на прорубь с ведром
идет, громяхая чрезмерно.
Мы рядом по снегу с сестрою,
а в доме напротив гирлянда,
и радость, и все вчетвером.
Вот так прорастают обиды,
темнеют наивные взоры,
но это не зависть, а просто
как здорово было бы!..
Отец полуобморожен,
лежит возле печки и стонет.
и хочется даже из тела -
не то что из этой избы.

Камушком о камушек в маршрутке стучит
дочь.

Звук напоминает детство и берег Чулыма.
Скоро наступит ночь (и отступит ночь),
двинутся в путь два задумчивых пилигрима.
В сердце моем насажаю я им дерев,
насыпями бронзовеющими разукрашу
тропки-дорожки. Нет, я не стану старше.
Пусть пилигримов встретит улыбкой лев
на красноярской площади. За плечом
пусть им спюют часы, но не поторопят.
Разве затем они, чтобы час был пробит?
Разве я плачу, и разве мне горячо
между ключицей и перекрестком жил.
Разве мне снится сон, или просто камни
тихо стучат, перемалывая веками
тех, кто сейчас живет. И когда-то жил.

Блестящий снег, дома и фонари.
Вода сластит солодковой микстурой.
Ты в форточку подъездную покуришь -
мальчишка пишет дура на двери
он женится на этой самой дуре.
А где-то там в небесном серебре
Адам напишет дура на ребре

Будто бы в постоянное оправдание,
Будто еще надеются - так и надо,
Мнутся внутри юннаты Антон и Ната,
из букваря 14-го издания.
Добби свободен, милые. До свидания.
Вы-то уж точно ни в чем
не виноваты.

Ни слова больше.Тишина честней.
Там можно напридумывать, а можно
Прозрачной солью растворяться в ней
И высыхать разводами на коже
Блестящих гладких серых площадей,
натянутых до звона барабанов.
Мы ищем двойника среди людей -
заложники продавленных диванов.
Так разве есть нам смысл - говорить,
к себе вчерашним ощущая зависть:
такая скука, что зубовный скрип
мы прячем, в стены лбами утыкаясь.
Силентиум. Полы и потолки
Уходят вверх, и щурясь близоруко
Мы ждем одной спасительной строки,
Но не произнесем ее друг другу.

Похороны

1

Дом забили, сделалась тишина. Мы стояли рядом как две вороны.
Городские крашенные матроны. Привезли. Не надо смотреть, не на...
Мама не приехала, и жена, та другая, тоже. Дорога в лужах.
Я была беременна, неуклюжа, и от слез не видела ни хрена.
Хоронили папу. Была весна.

2

Хоронили папу, была весна. Говорили мало, на лицах жалость.
Помянули, вздрогнули, разбежались. Пара собутыльников да родня.
Пожалейте бедненькую меня. У меня отец дал в канаве дуба.
Мне теперь об этом годами думать. Извините, нервное. Извинят.
Слышишь? колокола звенят.

3

Я не знаю, где эта сторона. Там, со стороны, говорят, виднее.
Я так, к сожалению, не умею, опытным путем дохожу до дна.
Папа, я дрейфующий космонавт. У меня есть руки, да толку мало,
У меня есть ноги - и я шагала. Дайте спину, требуется спина.
Та, что, типа, «каменная стена».

4

- На.